

УДК 34

DOI 10.18413/2075-4566-2019-44-3-427-433

**МОЛОДЕЖНЫЙ ЭКСТРЕМИЗМ:
СФЕРА СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВОГО КОНТРОЛЯ****YOUTH EXTREMISM:
SPHERE OF SOCIAL AND LEGAL CONTROL****А.В. Римский****A.V. Rimskiy**

Белгородский юридический институт МВД РФ им. И.Д. Путилина
Россия, 308024, Белгород, ул. Горького, 71

Belgorod law Institute of the Ministry of internal Affairs. I.D. Putilin
71 Gorky St, Belgorod, 308024, Russia

E-mail: rimskiy87@mail.ru

Аннотация

Автор статьи исходит из концептуального и социально-практического смысла социально-правового контроля в противодействии и профилактике молодежного экстремизма. Исходный пункт размышлений основывается на том, что молодежный экстремизм в российском обществе не может быть сведен к факторам спонтанности или несправедливости. По мнению автора, значение правовых решений определяет «силу» права, способность быть социальным регулятором, влиять на молодежную среду реститутивно, актуализацией воспитывающего влияния правовых решений. Молодежный экстремизм формирует в обществе запрос на культуру интолерантности, дегероизации, деромантизации экстремистских практик. Это достижимо в результате социально-правового контроля и противодействия молодежному экстремизму, основанных на стимулировании посредством института права социальной самодеятельности (волонтерства) молодежи, что позволит представить феномен экстремизма как явление асоциальное, не соответствующее духу времени и интересам молодежи.

Abstract

The authors of the article proceed from the conceptual and socio-practical meaning of social and legal control in countering and preventing youth extremism, as the starting point of the reflections in the article is based on the fact that youth extremism in Russian society can not be reduced to the factors of spontaneity or injustice. In the opinion of the author the value of legal solutions determines the "strength" of law, the ability to be a social regulator, to influence the youth restitutive, updating upbringing influence legal decisions. Youth extremism, and this is the main plot of the article, forms in the public inquiry on the culture of intolerance, degeroizatsii, deromanticize of extremism that is achievable if the socio-legal control of the countering youth extremism is based on stimulation through the Institute of law social activities, social volunteerism youth, in which extremism in the youth environment is presented as asocial, not with the spirit of the time and interests of the youth phenomenon.

Ключевые слова: молодежный экстремизм, социально-правовой контроль, культура интолерантности, социальный порядок, социальная безопасность, правоохранительные структуры, институциональное доверие.

Key words: youth extremism, social and legal control, culture of intolerance, social order, social security, law enforcement structures, institutional trust.

В общественно-политическом дискурсе российского общества молодежный экстремизм обозначается как маргинальное, находящееся на политической периферии явление. Тем не менее, общепризнан рискогенный потенциал экстремизма как позиционирования молодежью стремления к самоопределению на основе конфронтации с действующими властными и общественными институтами, реализацию поведенческих практик, направленных на противоправные действия, создание угроз социальному порядку и социальной безопасности.

Отличительной чертой российского общества являются дискуссии по поводу того, что экстремистские настроения и действия в молодежной среде нуждаются в репрессивном праве, использовании механизма негативных правовых санкций, имеющих целью нейтрализацию противоправных действий, особенно в сфере конституционного и государственного права [Игошин, 2003]. Между тем, молодежный экстремизм имеет «различные лики» в российском обществе, простирается в диапазоне от деятельности футбольных фанатов до носителей агрессивной сектантской идеологии. К тому же следует учитывать, что на настроения российской молодежи влияет общий неблагоприятный социальный фон (рост молодежной безработицы, отсутствие ясных жизненных перспектив, неуверенность в будущем).

В контексте вышесказанного можно говорить о том, что изучение и, следовательно, социальная диагностика и технологии противодействия молодежному экстремизму как системному явлению, связанному с группами социального и правового риска в молодежной среде, является актуальной, концептуальной и практической задачей. В российском обществе молодежный экстремизм до сих пор остается темой, выходящей на поверхность только в ситуации публичных акций, и не измеряется в долгосрочном общественном мониторинге. Отсюда реактивное и ситуативное видение проблем российской молодежи, попытка выявить и охарактеризовать молодежный экстремизм путем криминализации, ужесточения действующих правовых норм [Баранов, Шпак, 2004].

Вместе с тем проявляется и другая крайность, связанная с попыткой либерализовать отношение к данному явлению в молодежной среде, исходить из якобы присущей молодости романтики, героизации и неизбежности социальных эксцессов [Ильинская, 2007]. Очевидно, что молодежный экстремизм, являясь многоаспектным системным явлением, актуализирует потребность в определении сферы социально-правового контроля, системы действий и регуляторов, осуществляемых общественными и государственными институтами с использованием «силы» права как инструмента социального контроля.

Данная тема возникла не сегодня. Реальная заслуга в становлении социологии молодежи принадлежит К. Манхейму, который сформулировал основные четыре постулата отношений молодежи и общества. Во-первых, актуальным является выявление того, что ожидает общество от молодежи и молодежь от общества, иными словами, необходим диалог между общественными и государственными институтами и поколениями, вступающими во взрослую жизнь. Во-вторых, следует отрешиться от иллюзии, что молодежь прогрессивна по своей природе, так как в реальности молодежь является «потенциалом», способным в зависимости от различных факторов проявлять и позитивные, и деструктивные действия. В-третьих, на молодежь, не имеющую жизненного опыта, способностей распознавать и оценивать «добро и зло», влияют политические силы, преследующие свои корыстные интересы, используя молодежь в качестве пробивной силы. В-четвертых, нельзя недооценивать роль «абстрактных» идей, права, порядка и демократии [Манхейм, 1994]. Поэтому для К. Манхейма первостепенным становится в контексте образования и культуры молодежи политическая и правовая социализация.

Молодежный экстремизм оценивался К. Манхеймом с точки зрения наступающей катастрофы Второй мировой войны, проповеди нацизма, насилия, агрессии и подрыва базовых демократических и правовых институтов. Его наследие не утратило актуальность и в современном мире, где очевиден тренд восхождения молодежного экстремизма, порождаемого мультипликативным социальным эффектом, ростом этнонационализма, автори-

таризма, ксенофобии и неофундаментализма. Отметим, что в зарубежной социологии, начиная с молодежных бунтов 60-х годов XX века, молодежный экстремизм исследуется в рамках социологических и правовых подходов. Основным объединительным моментом является отношение к молодежному экстремизму с позиций диффамации и стигматизации, включения в номенклатуру социально опасных деяний, особенно в условиях культивирования толерантности, корректности, мультикультурализма, демократии меньшинств [Бурдьё, 1993].

Узость данного подхода заключается в том, что под определение молодежного экстремизма могут попадать движения, имеющие традиционалистские, патриархальные или этикоцентристские позиции. Тем более, социологическая экспертиза может использоваться в качестве повода для правового исследования «инакомыслящих». В российском обществе, где молодежный экстремизм стал объектом изучения с конца 90-х годов XX века, есть определенные сложности в выявлении сферы социально-правового контроля, так как вместе с созданием правового регулирования, профилактики и санкций в отношении экстремистских действий в молодежной среде, ограничивается рестутитивное воздействие права, значение права для утверждения, обоснования и легитимации культуры антиэкстремизма в молодежной среде, формирования интолерантного отношения к экстремистским акциям и действиям.

По существу, выявились три доминирующих подхода к вопросу о молодежном экстремизме в российском обществе. *Юридический подход* подразумевает значимость совершенствования законодательства и эффективность практик правоприменения в нейтрализации и профилактике противоправных действий молодежи на личностном и групповом уровнях, представляющих угрозу социально-правовому порядку. В этом контексте первенство отдается совершенствованию системы правоохранительных и правоприменительных институтов, использованию негативных правовых санкций при квалификации действий молодежи как представляющих социальную опасность и угрозу государству. Социально-правовой контроль связывается с активной поддержкой основной массой населения действий правоохранительных структур и одобрением использования силы права для локализации и маргинализации экстремизма [Горшков, 2017].

В *функциональном подходе* речь идет о целесообразном правоприменении, о воздействии правовых санкций по критериям эффективности и избирательности. Социально-правовой контроль отдается на «откуп» экспертному сообществу, выполняющему консультационные, эквайзерские и диагностические задачи в рамках повышения эффективности юридической социализации молодежи и включения общественных (молодежных) структур в качестве представительских при правоохранительных институтах.

Концепция *гражданского контроля* содержит установку на ограничения и нейтрализацию экстремизма в молодежной среде путем создания модели государственно-общественного партнерства, включающую совместную ассоциированную деятельность по формированию у российской молодежи гражданских добродетелей, исключающих легитимацию экстремистских практик и настроений. Провозглашается двуединая задача: с одной стороны, гражданский самоконтроль, нацеленный на позитивные правовые санкции, с другой – дегероизация, деромантизация экстремизма, бойкот, изоляция носителей экстремистских настроений как «значимых других» [На перепутье, 1999].

Можно говорить о том, что есть определенная практическая «беспомощность» в реализации заявленных подходов, поскольку государственная молодежная политика, которая приобрела практические очертания в начале 2000-х годов, фиксировала «гибридность» старых и новых жизненных и культурных форм. Стимулирование массовых молодежных движений под знаком борьбы против реакции и фашизма (особенно примечательна судьба «Наших») результировалась в проведение массовых пропагандистских акций, воспроизводящих парадность предшествующего периода. Реально, вместо кропотливой и системной работы с носителями экстремистских настроений, актуализировалась формула «спектакля», в котором использовались приемы политического и культурного акциониз-

ма, направленные не против реальных носителей и «спонсоров» молодежного экстремизма, а мишенью становились представители конкурирующих молодежных групп. Явной передержкой можно считать «сожжение книг», «охоту против реакционных интеллектуалов», применение нелегитимных уличных способов в борьбе с «экстремистами».

Собственно, так и не был выработан реальный взвешенный подход, позволяющий задействовать систему социально-правового контроля общества. Реально социально-правовой контроль противодействия и нейтрализации молодежного экстремизма состоит в широкой позитивной мобилизации молодежи, переключения энергии и внимания на социально-значимые цели, закрепленные в правовых нормах. Это означает, что практикам правоприменения должна предшествовать презентативная общественная экспертиза, включающая спектр участия, связанного с положением молодежи в российском обществе и интересами молодежной политики.

Однако в контексте противодействия и профилактики молодежного экстремизма можно говорить о нормативном состоянии, о желательности гражданской, государственно-партнерской схемы работы по мониторингу молодежного экстремизма. Действующие общественные ассоциации и советы при региональных администрациях играют консультативную, а часто и презентативную роль, являясь «регистраторами» экстремистских действий, то есть, следуя за работой правоохранительных структур.

Конечно, такая связка более удобна, чем отсутствие взаимодействия со структурами, ведающими вопросами порядка и безопасности. Вместе с тем не достигнуто состояние социально-правового контроля как системного, регулярного воздействия на молодежную среду с целью создания вокруг экстремистских групп «вакуума» и изоляции, содействия со стороны молодежи правоохранительным структурам в оказании не только репрессивного, но и реститутивного влияния на настроения и действия молодых экстремистов. [Баранов, Шпак, 2004].

Важным моментом можно считать соучастие молодежных ассоциаций в разработке и обкатке критериев и методов социально-правового контроля. Правотворчество и правоприменение в данной сфере актуализированы по степени рисков и угроз со стороны экстремистских групп. В этом отношении, как отмечалось ранее, сделано немало, в то же время есть конструктивные критические соображения и замечания относительно роста эффективности правоприменения, сбалансированного распределения работы между правоохранительными структурами, в частности избавление от ненужной нагрузки судебной системы, хотя можно сказать, что рост судебных решений по проблеме молодежного экстремизма может свидетельствовать о том, что слабо и нерезультативно ведется профилактическая деятельность в форме социально-правового контроля.

Рассматривая дискурс молодежного экстремизма как язык вражды, ненависти, недоверия в обществе, утверждаемый через легитимацию неприятия, недоверия и агрессивности по отношению к государственным и общественным институтам, отдельным социальным и этническим группам, следует исходить из того, что в российском обществе не преодолен эффект маргинализации права, что формально правовые институты, призванные обеспечивать социально-правовой порядок, испытывают дефицит институционального доверия (30 %) [Российское общество..., 2015].

Казалось бы, 16 % «абсолютно не доверяющих» не являются кризисным показателем, но есть риск того, что применение регрессивного права вызывает эффект еще большего отторжения правоохранительной системы, когда правонарушения экстремистского толка могут оцениваться как репрессии против «инакомыслящих», внушение страха молодежи. На фоне институционального недоверия это не приводит к рациональной оценке эффективности правоприменения [Селигмен, 2002].

Сложность состоит в том, что социально-правовой контроль имеет минимальные стандарты в функциональном доверии, то есть признании необходимости правового воздействия, и оптимальные стандарты в институциональном доверии, реализации ожиданий по отношению к правоохранительным структурам как действующим компетентно и без-

упречно в контексте выполнения предписанных целей и задач. Об этом нужно говорить, поскольку развитие социально-правового контроля как актуализации институциональных ресурсов права для проведения социальных, социально-психологических и информационных средств воздействия на молодежную среду предполагает хотя бы функциональное доверие. Этот вопрос, внешне концептуальный, в реальности – характеризуется тем, что можно квалифицировать как актуализация социальных регуляторов права. Обладая нормативностью, право направлено на использование не только юридико-технических, но и социально групповых процедур, стимулирования моральных и корпоративных норм, позволяющих противодействовать молодежному экстремизму.

Очевидно, что в современном российском обществе, где проявляется конфликт интересов и высока степень социальной атомизации и поляризации, трудно достичь консолидированной общественной позиции относительно признания молодежного экстремизма как абсолютного зла. Но, если исходить из того, что юриспруденция подходит к проблеме молодежного экстремизма как определенное регулирующее значение для общественных отношений, то следствием является воспитательное воздействие права, выведение морально-этических смыслов из профилактики молодежного экстремизма. Конкретно это проявляется в том, что формируется образ экстремизма как зоны недопустимой вседозволенности, социальной аморальности и цинизма, антипатриотизма и пренебрежения базовыми человеческими ценностями.

Поэтому неудивительно, что акции, предпринимаемые против экстремистских действий, требуют повышения информационной компетентности молодежи, взвешенного освещения в массмедиа с учетом интересов и позиций молодежной аудитории. Общество проигрывает в борьбе с молодежным экстремизмом, если вполне оправданные правовые решения интерпретируются как диктат государства по отношению к правам и свободам молодежи или ее неодобряемым инициативам и протестным действиям.

Долговременная способность принимать правовые решения и обеспечивать их соблюдение в значительной степени зависят от критериев законности и эффективности. Если законность находится в политико-правовой сфере, эффективность имеет практические акценты именно в социально-правовом контроле, так как интерес и вовлеченность в общество к воздействию права как системы социальных регуляторов социального института создают фон удовлетворительности/неудовлетворительности тем, как выполняются функции порядка и безопасности. Относительно молодежного экстремизма можно говорить о том, что правовые методы, посредством которых российское государство действует на молодежный экстремизм, соответствуют критерию законности, но правовые решения не создают фона общей политической стабильности и порядка и являются основой твердого доверия к правилам игры, в соответствии с которыми антиэкстремистская деятельность воспринимается как должное.

Можно предположить, что оптимальным способом развития социально-правового контроля является лояльное отношение молодежи к политической системе в целом и практикам правотворчества и правоприменения как содержащим возможность для молодежи воспринимать правовые решения и с точки зрения инструментальной эффективности и законности, и возможности доступа к принятию правовых решений.

Очевидно, что актуализированное в российской социологии определение молодежного экстремизма как особого социального явления, которое формируется на основе повышенной экстремальности сознания и поведения молодежи [Социология молодежи, 2008], в определенной степени нацеливает на расхождение с практиками правоприменения, так как фиксирует особенности транзитивного статуса молодежи, но не содержит указания на ее гражданскую ответственность. Между тем социально-правовой контроль основывается на позитивной направленности права, на том, что правовые решения жесткие, но справедливые, что группы молодежи с крайне экстремальными настроениями переступают грань закона и порядка, подлежат безусловному общественному осуждению.

Так как дискурс молодежного экстремизма в российском обществе является «закрытым», не перешел в состояние сбалансированного и объективного обсуждения, идейные мотивы экстремизма в молодежной среде в основном ассоциируются с нигилизмом, пока сложно ожидать, что в российском обществе экстремизм будет квалифицироваться не по отдельным экстремистским выходкам и акциям, а корректно связываться с реальными группами и движениями. Отмечается, что потенциал экстремизма в современных молодежных движениях достаточно высок, но нельзя ограничиваться констатацией данного, вполне обоснованного, факта, есть сложность в определении степени общественной опасности и риска экстремистских действий.

Отмечая, что благодаря усилиям правозащитных структур, «перехвативших» инициативу в дискуссии по этой деликатной и болезненной теме, артикулируются опасности ксенофобии, национализма, расизма, мигрантофобии, но более обосновано говорить о включении в экстремистский тренд новых явлений, таких как экологические, неоанархистские, акционистские движения. В этом убеждает и анализ молодежных субкультурных практик (вовлечены 65 % молодежи), и высокий уровень политического нигилизма и индефферентизма в молодежной среде.

Возможный всплеск экстремистских настроений предсказуем на фоне социально-экономического кризиса, но реальные политические контуры формируются, если вместо социальной диагностики экстремизму придается характер событийности, ограничения социально-бытовой сферой, когда исследовательское внимание акцентируется на влиянии только внешних сил. Можно говорить о том, что в обществе есть объективный запрос на социально-правовой контроль молодежного экстремизма.

Во-первых, созданная система административно-правового и политического регулирования имеет тенденцию к росту эффективности при институциональном доверии молодежи к правоохранительным структурам, то есть происходит переход от эмоционально-оценочного отношения к рациональному социальному поведению, принятию правовых решений в этой среде как продиктованных соображениями общественной полезности.

Во-вторых, учитывая разнообразие экстремистских акций в молодежной среде, очевидно, что социально-правовой контроль является гражданским контролем, системой действий общественных и молодежных организаций, направленных на формирование в молодежной среде позитивной мобилизации, в которой право как социальный институт становится коридором возможностей идентификации молодежи с обществом и предполагает интолерантность к экстремизму, понимание борьбы с молодежным экстремизмом как важное условие стабильного и устойчивого развития страны.

В-третьих, примечательно, что экстремистские явления и настроения в молодежной среде снижаются и локализуются в условиях роста альтернативных волонтерских движений молодежи, принятия в качестве ориентира укрепления социального и правового государства, России как общего дома многонационального российского народа, поддержки демократии и социальной справедливости.

Список литературы

1. Американская социология. 1972. М., Прогресс: 392 с.
2. Баранов П.П., Шпак А.В. 2004. Сила права: политико-институциональный анализ. Ростов-на-Дону, М-во внутр. дел РФ: 140 с.
3. Бурдьё П. Социология политики. 1993. Пер. с фр. М., Socio-Logos: 336 с.
4. Горшков М.К. 2017. Российское общество в контексте новой реальности. М., Весь мир: 104 с.
5. Игошин И.Н. 2003. Институциональные искажения в российском обществе. М., Директмедиа Паблишинг: 151 с.
6. Ильинская С.Г. 2007. Толерантность. М., Праксис: 288 с.

7. Манхейм К. 1994. Диагноз нашего времени. Пер. с нем. и англ. М., Юрист: 538 с.
8. На перепутье. 1999. М., Логос: 237 с.
9. Российское общество и вызовы времени. 2015. Кн. 1. М., Весь мир. 336 с.
10. Селигмен А. 2002. Проблема доверия. Пер. с англ. М., Идея-Пресс: 256 с.
11. Социология молодежи. Энциклопедический словарь. 2008. М., Academia: 666 с.

References

1. Amerikanskaya sotsiologiya [American sociology]. 1972. М., Progress: 392 p.
2. Baranov P.P., Shpak A.V. 2004. Sila prava: politiko-institutsional'nyy analiz [The power of law: political and institutional analysis]. Rostov-na-Donu, M-vo vnutr. del RF: 140 p.
3. Burd'yo P. Sotsiologiya politiki [Sociology of politics]. 1993. Translated from French. М., Socio-Logos: 336 p.
4. Gorshkov M.K. 2017. Rossiyskoye obshchestvo v kontekste novoy real'nosti [Russian society in the context of a new reality]. М., Ves' mir: 104 p.
5. Igoshin I.N. 2003. Institutsional'nyye iskazheniya v rossiyskom obshchestve [Institutional distortions in Russian society]. М., Direktmedia Pablihnng: 151 p.
6. П'inskaya S.G. 2007. Tolerantnost' [Tolerance]. М., Praksis: 288 p.
7. MankheyM K. 1994. Diagnoz nashego vremeni [The diagnosis of our time]. Translation from German and English. М., Yurist: 538 p.
8. Na pereput'ye. [At a crossroads]. 1999. М., Logos: 237 p.
9. Rossiyskoye obshchestvo i vyzovy vremeni [Russian society and the challenges of the time]. 2015. Book 1. М., Ves' mir: 336 p.
10. Seligmen A. 2002. Problema doveriya [The problem of trust]. Translation from English. М., Ideya-Press: 256 p.
11. Sotsiologiya molodezhi. Entsiklopedicheskiy slovar' [Sociology of youth. Encyclopedic Dictionary]. 2008. М., Academia: 666 p.

Ссылка для цитирования статьи

Reference to article

Римский А.В. 2019. Молодежный экстремизм: сфера социально-правового контроля. Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право. 44 (3): 427–433. DOI 10.18413/2075-4566-2019-44-3-427-433

Rimskiy A.V. 2019. Youth extremism: sphere of social and legal control. Belgorod State University Scientific Bulletin. Philosophy. Sociology. Law series. 44 (3): 427–433 (in Russian). DOI 10.18413/2075-4566-2019-44-3-427-433